

Барышников, Гиллем, Версаче: Морис Бежар ставит на троих

Коммерсантъ-daily, -1997, -27 сент. - с. 7

Открылся Международный фестиваль танца в театре Champs Elisee

В театре Champs Elisee состоялись сразу несколько мировых премьер. Две из них — монобалеты, поставленные Морисом Бежаром специально для Михаила Барышникова и Сильви Гиллем. Третья — плод сотрудничества хореографа с Джанни Версаче. Спектакль был закончен за две недели до гибели дизайнера. На гала присутствовал весь Париж — от Бернадетт Ширак (супруги президента) до Клод Бесси (директора школы Grand Opera). Из Парижа — обозреватель «Коммерсанта-Daily» ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА.

Baryshnikoff оказался просто Мишей

Идею сделать балет «на Барышникова» подкинул Бежару педагог-репетитор его труппы Азарий Плисецкий — великий искуситель и дипломат. Азартный Бежар загорелся идеей сразу. Осторожный Барышников колебался и тянул время. Потом решился и приехал к Бежару в Лозанну. Там за четыре дня репетиций был изготовлен «Piano-bag» — пятнадцатиминутный балет-пантомима.

Мастер мистификаций, Бежар поставил абсолютно советский спектакль. Натурализованный американец Барышников станцевал его так, будто никогда не пересекал границ России. (N. В. Советский — отнюдь не означает политизированный). Этим словом (за неимением другого) я называю тот странный вид литературно-драматической хореографии, который утвердился в СССР к началу 30-х годов и исполняет роль гегемона по сию пору; тот искривленный взгляд на балет, который «содержание» неизменно предпочитает «форме» и согласно которому артист не танцует, а «создает образ».

В «Piano-bag» Барышников образ создает. Пианист неудачник на склоне лет пролистывает воспоминания: первое увлечение, ошибка молодости, зрелая страсть. Объекты воспоминаний бесплотны, обозначены лишь предметами: розовая шляпка, лакированные «шпильки», пурпурные розы. Джентльменский набор городского романа.

Хореография — ненавязчиво эскизна. С ображаемыми партнершами Барышников то кружится в простеньком вальсике, то содрогается в приступах рок-н-ролла, то томится в напряженных перепадах танго.

Этюды по актерскому мастерству замыкает четвертая вариация — монолог о быстротечности жизни, нашедший удобный метафорический иллюстративный, наивно, но... Барышников танцует (или играет?) так, будто никогда больше не выйдет на сцену. Будто скопиче хореографических банальностей — тот единственный язык, на котором можно говорить о главном. Истовость этой исповеди обезоруживает, доверчивость — трогает, искренность — покораивает. И слезы сострадания орошают декольтированную грудь французских дам.

Сильви Гиллем давно танцует с кем хочет и чтодумается

Все правильно: артист в России больше, чем артист. Бежар это понял за четыре дня. И дал возможность мистру Барышникову побыть просто Мишей.

Сильви Гиллем: женщина и теорема

Балет «Racine subique» Бежар задумывал для Хорхе Донна, своего первого танцовщика. Заказал музыку аргентинцу Раулю Гарелло. Композитор принес тридцатипятиминутную сюиту для бандонеона с оркестром. Но Донна уже не было в живых. И только сейчас, спустя годы после его смерти, Бежар решил подарить эту музыку знаменитой

Сильви Гиллем, самой фантастической танцовщице мира.

Эта парижская этюль порвала с Grand Opera ради свободы, став примой Английского королевского балета, выговорила себе право работать с кем хочется и танцевать что вздумается. Классическая балерина сучала в спектаклях XIX века. Зато стала кумиром лидеров современного балета. Хореограф-компьютерщик Уильям Форсайт был захвачен математической точностью и безупречной логикой ее движений. Драматичный Матс Эк — концентрацией, нервной энергией. Многоликий Морис Бежар — талантом расторгаться в музыке. Сверхъестественные природные данные (запредельные шаг и выворотность, феноменальная устойчивость,

иррациональное вращение, способное ускоряться или замедляться по ее произволу) стали не слагаемыми, но самой сутью ее танца.

Она не нуждается в сюжетах, костюмах, антураже, партнерах — рядом с ней вся атрибутика балетного театра кажется нелепой, как елочная мишура летом. Она герметична и самодостаточна. Победительна и одинока. Холодна, как абстракция, и эротична, как сон маньяка. Любое ее движение затягивает, как черная дыра. Пугливые почитатели пленительных прим зовут ее андрогинном.

В «Racine subique» Бежар нарисовал ее портрет — в оправе из алюминиевых граней кубической конструкции.

Джанни Версаче: сон в летнее утро

Версаче был давним другом Бежара. Обожал одевать его балеты. Последний, «Barocco — bel canto» был десятым по счету. Дизайнер успел увидеть его премьеру во Флоренции, в саду Боболи.

Во время флорентийских постановочных репетиций случилось одно из бежаровских прощаний: неожиданно, вопреки логике и тональности действия, хореограф вручил участвующей в спектакле Наоми Кэмпбелл гигантский бутафорский пистолет и велел стрелять: сначала в воздух, потом в темноту зала. Рассказывают, что Версаче, сидящий в партере рядом с Бежаром, лихорадочно стиснул руку хореографа и, маскируя испуг, пошутил: «Она в меня не попадет?».

«Barocco — bel canto», показанный в Париже, — не совсем тот легкий, причудливо-капризный сон, который два друга сочиняли флорентийскими ночами под музыку современников Вивальди.

Июньский спектакль был шаловлив, непритязателен и светел. Бежар играл движениями, как жемчугом: нанизывал порхающие прыжки, резвые пируэтики, мимолетные батманы, смеющиеся заноски в прихотливые комбинации; собирал танцовщиков в завитки, круги-кружочки, асимметричные группки — и рассыпал по дуэтам, трио, секстетам.

Версаче облил тела артистов комбинезонами и трико (талант конструктора он приберег для платьев Наоми Кэмпбелл), ослепил солнечной радостью чистого цвета. Лимонные, розовые, гранатовые, фиолетовые — два десятка мелькающих пятен. И карнавальный макияж — выведенные к вискам миндалины аквамариновых глаз, выбеленные подбровья, кровавая резкость увеличенных ртов.

Парижский спектакль — оммаж Версаче — Бежар попытался наполнить присутствием смерти. И протагонист балета — художник — одержим идеей суицида. И пестрокрылые эльфы резвятся вокруг своего создателя с веселостью почти зловещей. И пистолет появляется слишком часто. Но трагическим спектакль от этого не становится. Июньские флорентийские ночи породили балет солнечный и легкий. Таким он и остался.